

Секция «Политические науки»

Идеология и политическая мифология: проблема соотношения коммуникативных систем в политике.

Шевелева Влада Александровна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: vladaalexandrovna@gmail.com

Необходимость проведения разделяющей черты между идеологией и политическим мифом обусловлена не только потребностью преодоления узкого понимания обоих явлений в качестве технологий манипуляции общественным сознанием, но и небесполезностью выяснения механизма их работы для более глубокого анализа политического поля в целом. Определение политической идеологии как секуляризованной веры, маскирующей интересы облеченных властью субъектов, видится несколько упрощенным. Идеология всегда связана с искажением социальной реальности, но при этом, едва ли к ней применима простая процедура «срывания маски», приводящая к уяснению истинного положения вещей.

Как известно, за идеологией признается функция воспроизводства социальной реальности. По Л. Альтюссеру, идеология – обладающие материальным существованием воображаемые отношения индивидов с реальными условиями существования, обеспечивающие «конституирование» субъектов из индивидов, а также их взаимное узнавание и подчинение Субъекту с большой буквы, посредством прямого к ним обращения[1]. Такое представление, однако, не объясняет устойчивости данного феномена, снова возвращающегося к жизни в форме «реидеологизации» в нашу эпоху, которая достаточно поспешно была окрещена «постидеологической»[5]. Идеология на более глубоком уровне содержит бессознательные фантазмы, структурирующие саму социальную действительность[2]. Гомеостаз социального механизма определяется существованием этих фантазмов, а не поверхностным слоем ценностных суждений, в которых часто видят сущность идеологии. Критика идеологии, заключающаяся в попытках узреть «голую социальную реальность», скрытую под «идеологическими покровами» является обратной стороной идеологии, контрдискурсом, который не выходит за рамки господствующей «идеологической формации»[4], а потому не может быть эффективной, приводя лишь к циничному отрешению, не спасающему от следования идеологии на поведенческом уровне. Даже если мы перестаем воспринимать всерьез навязываемые нам ценности, мы предпочитаем не выходить за рамки системы, продолжая действовать, как если бы фантазмы, опровергаемые нами на теоретическом уровне существовали в действительности. Социальное действие идеологии состоит не в сокрытии действительности, а в том, чтобы скрыть от нас главную свою иллюзию, ту, которую мы упускаем при поверхностном уровне критики. Она состоит в том, что мы мним скрытую от нас «настоящую» социальную реальность чем-то, способным к существованию вне идеологической формации. Первостепенным поэтому для истинного критика идеологии является не вопрос «лжива ли идеология?», а вопрос о том, почему без создаваемых ею искажений, принимаемых всерьез, невозможно структурирование социальной действительности. Целью идеологии, в реальности, является не сокрытие от нашего внимания социального, а

наоборот предоставление нам социальной реальности в качестве убежища от несимволизируемых онтологических противоречий[2].

Идеология, как и миф, является коммуникативной системой, в которой действует модель рациональности, отличная от научной. Основное сходство мифологии и идеологии - функциональное: миф, как и идеология, структурирует социальную реальность, но при помощи собственных методов деисторизации явлений и событий и сакрализации общего для своих носителей пространства и времени. Мифология, в отличие от идеологии принципиально неэтична, она не задает ценностей, позволяющих производить сопоставления, строясь на бинарных оппозициях «запретов-разрешений». Миф интенционален, но не имеет четкой целевой направленности. В отличие от идеологии, миф вряд ли способен сконструировать действующего субъекта, уже потому, что в рамках мифа с трудом можно обнаружить субъект-объектные противопоставления. Миф снимает противоречия, выставляет напоказ естественность существующих фактов, а не задает стремление к имплементации идеальных конструкторов в реальность.

Типы рациональности мифологии и идеологии различны. Именно максимальному развитию картезианской рациональности обязано становление идеологии в новое время и сопутствующая критика классической мифологии. В отличие от мифологии, идеология всегда создается в результате сознательной творческой деятельности конкретных субъектов, она ситуативна и инструментальна, может быть связана с конъюнктурными интересами.

Говорить о мифологизации идеологии представляется невозможным, так как это означало бы смешение разных коммуникативных систем. Утверждение обратного основано на внешнем функциональном сходстве и факте эксплуатации идеологией мифологических символов-архетипов. В реальности происходит лишь преимущественное использование наиболее эффективной коммуникативной системы. В эпоху постмодерна переход к нарративу от четко структурированной идеологии как способа легитимации в сфере политики является ответом на требование эффективности. Денотативное описание не способствует созданию статичной, самоидентифицируемой картины социального бытия в той мере, в которой тому способствует нарратив[3]. Властный дискурс перестает нуждаться в метаязыке идеологии с открытием иррациональности сферы политического в XX в., приведшим к отказу от поиска политических абсолютов и утверждению ситуативности социальной истины. Политический нарратив теперь строится на перформативных высказываниях, оцениваемых лишь по критерию «верят/не верят». Фиксированная иерархия ценностей больше не является эффективным механизмом регулирования общественных отношений. Поэтому ориентированная на ценность идеология зачастую уступает место политической мифологии, оказывать сопротивление которой гораздо сложнее. Используя идеологию, власть «играет по правилам»: идеологический субъект власти легче выявить. В случае же с распространением псевдомифов, предлагающих своим носителям вместо необходимости отразиться антагонистичные ценностные схемы, преодоление противоречий в метафорико-метонимичной форме, власть не скрывается, но «мимикрирует», делая критику почти невозможной.

Литература

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. // ИЗ. 2011. № 3.

2. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.
3. Мартянов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003.
4. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса/Общ.ред. П. Серно. М.: Прогресс, 1999.
5. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1965.